

Светлана Богданова

ФРАГМЕНТ СТИХОТВОРЕНИЯ «КУПЕ»

Рыбак ворочается, стонет.
 Он на соседней полке грезит
 О рыбах малых и больших.
 Во сне он превратился в рыбу.
 Должно быть, чтобы лов был лучше,
 Он должен вжиться в образ жертвы
 И повести ее умело
 В кошмаре сна на крюк, на смерть.

А завтра — завтра он посмотрит
 На плотный хвост, на чешую,
 Потянет и рванет за губы
 Холодного сома и что-то,
 Как коготь, острое пронзит
 Его потухший мозг. И смех
 Его замрет на миг. И руки
 Вдруг дрогнут. А затем опять
 Рванут. И это наважденье —
 Что боль он будто ощутил
 В лице, в губах, в усах и в шее,
 Что сам он — грузный сом, он рыба,
 Оставит рыбака навеки.

«Должно быть, солнце. Я сгорел.
 Нужны мне черные очки
 И шляпа круглая, с полями». —
 Решит, вытягивая тело
 Речного бога из воды.
 Но это — завтра. А теперь...
 Теперь он умирает в лодке,
 Лупя по доскам плавниками.

А нам с тобой его не жалко.
Сиди, сиди, мой кот, тук-тук.
Пусть острый человеческий запах,
Сочащийся сквозь невод сна,
Не отвлекает нас от кармы.
Сегодня — мука. Завтра — плюсик.
Мы это выдержим, пройдем,
Промчимся, проползем, проспим...
Шепчи мне хищный шепот в ухо.
Ты здесь. Я чувствую. Тук-тук.

г. Москва

А н а т о л и й Б у з д у л ц к с к и й

●

И даже над нами бывает
Сочельник с прожилками сини.
Бывает, что не убывает
Хлеб с рыбою в старой корзине.
Вот вспыхнула Питера сера,
Лишь чиркнула длинная спичка.
Что было до одури серо,
Теперь пламенеет, как птичка.
Чем дольше над нами болото,
Чем глубже под нами канава,
Чем дальше до солнцеворота,
Тем ярче небесная слава.
А что еще может светиться
Во всю ширину небосвода?
О, руки, закрывшие лица!
О, пальцы, краснее восхода!

г. Санкт-Петербург

Александр Муратов

ЗАРИСОВКА

Будничная зарисовка.
Утро. Автобусная остановка.
Мать, склонившись над поскрипывающей коляской,
Унимает легкой тряской
И хлопками в ладоши
Ребенка помладше,
А тот, что постарше, также
Хлопает в ладоши, но строже
Смотрит на пальчики то ли сестрички,
То ли братишки — с непривычки.

Смуглый мальчик скоро
Устает от хлопанья в ладоши, от ора
И, глядя на тучу, которая на горизонте
Клубится, берет у матери зонтик,
Тут же в руках мальчишки ставший гранатометом.
Сначала он стреляет в тучу, затем — в прохожих,
Не разделяя их на плохих и хороших.
Смуглый мальчик стреляет по машинам и пешеходам.
Сливаются номера и лица,
Прохожие спешат, машины мчатся, туча клубится...

МОЛЧАНИЕ ХОРА

Коринфяне судачат в унисон
О том, что вскоре женится Ясон
На младшей дочери царя Креонта;
О том, что вскоре снова волны Понта
Аксинского — увидит гневный взгляд,
Влекомый роком в порт, откуда взят
Был этот взгляд, как прочие трофеи,

По воле им владеющей Медеи;
О том, что примут в царский дом детей,
Колхидянке же должно поскорей
Покинуть город, усмиряя гордость
И злобу, должно выказать покорность.

•

Коринфяне толпятся у стены
Дворца, и лица их омрачены
Известием о гибели царевны,
Царя и малолетних сыновей
Ясона. Торопливо корифей
Уводит молчаливый хор со сцены.

г. Москва

Александр Зезюлин

•

Концертный зал — лицо искусства,
оркестровая яма — глазница.
Червями смычков набитая густо,
копошится, елозит, бугрится.

С потолков стратосферных свисают
вздутых люстр хрустальные слюни.
Глаз, в пенсне окольцованных, стая
морщ лепнинную жадно смакует.

Накрахмаленные фракноосцы
в позах притворно-скульптурных
с методичностью вычурно-взрослой
рвут, щекочут, царапают струны,

фаршируют латунные недра
ветрами с коньячным отливом;
ладони по клавишным метрам
бегут на манер паучинный.
Дирижер в пустоте высекает
приговор по уставу пюпитров.
Инструмент сплошь хлопками облаян,
инструменту давно все обрыдло.
Аккорд!

Бас!

Аппорт!

Фас!

Грохот!

Визг!

Браво!

Бис!

Фуга,

точката,

соната!

Соната,

точката,

фуга!

Жизнь в семи нотах зажата,
шея тактами стиснута туго.

И вдруг тонкогласая скрипка,
скинув путы нотного стана
с фигурки ореховой, хлипкой,
возопила — ни альт, ни сопрано!
Ухабисто, смачно, с размаху;
для себя, не кому-то в угоду;
не под диктовку Баха,
впервые за долгие годы.

Опрокинулись навзничь бемоли,
иголки втянули дизезы,
от звукового фриволья
седина с париков пооблезла.

У святых угловатых, витражных
изумленно оплавилась лица.
Кто-то в партере закашлял,
не найдя, как еще возмутиться.
И, строго нахмурив пилястры,
здание — зверь неподъемный —
под порывами звуков ненастных
преломило в коленях колонны.

г. Калининград